

УДК 811.(112.3+16.1):374.3

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛЬТУРА РЕЧИ: СТРАТЕГИИ РЕЧЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И МАНЕВРИРОВАНИЯ В ИСТОРИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Для цитирования: Баева Г. А. Культура речи: стратегии речевого регулирования и маневрирования в истории немецкого языка // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 241–258. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.113>

В статье рассматриваются нормативный, коммуникативный и эстетический аспекты понятия культуры речи и вежливости в истории немецкого языка. Представления об эффективности, уместности, вежливости и правильности речи, реализуемые в коммуникативной практике говорящих отдаленных от нас эпох, можно получить из разных источников: они зафиксированы прежде всего в художественной литературе, исторических хрониках, письмах, судебных протоколах, учебных и справочных пособиях по культуре речи и пр. Это дает возможность реконструировать те или иные нормы речевого поведения в действии и проследить принципы и правила общественной коммуникации, их изменения на протяжении веков и определить стратегии речевого регулирования и маневрирования, ибо вежливость изначально выполняла функцию кодирования социальной принадлежности и иерархии. Вежливость и культура речи напрямую связаны с основными периодами в развитии немецкого общества и языка. В статье основное внимание уделяется периоду придворной рыцарской культуры Средневековья, а также культуре речи в аристократическом обществе эпохи барокко и «галантном периоде» XVIII в., осуществляемой через языковое регулирование и маневрирование. Система лексико-грамматических маркеров вежливого речевого поведения (различные местоименные обращения, перформативные глаголы, формы конъюнктива, модальные глаголы, конструкции косвенного вежливого дистанцирования и др.) складывается уже в средненемецком языке, но в дальнейшем она подвергается ревизии в зависимости от социально-культурных ориентиров общества (например, влияние французской культуры и языка) и расширяется за счет увеличения прежде всего искусственной вежливости в виде манерных и церемониальных выражений, лишенных искренности и правдивости. В статье показано, что коммуникативные нормы вежливого речевого поведения обусловлены социолингвистическими, лингвокультурными и когнитивными факторами и отражают состояние культуры речи и развитие немецкого языка на конкретном этапе развития общества.

Ключевые слова: культура речи, коммуникативная практика, регулирование, формульность, вежливость, этикет.

SPEECH CULTURE: STRATEGIES FOR SPEECH REGULATION AND MANEUVERING IN THE HISTORY OF THE GERMAN LANGUAGE

For citation: Baeva G. A. Speech culture: Strategies for speech regulation and maneuvering in the history of the German language. *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 241–258.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.113> (In Russian)

The article deals with the normative, communicative and aesthetic aspects of the concept of culture of speech and politeness in the history of the German language. Ideas about the effectiveness, relevance, politeness and correctness of speech, implemented in the communicative practice of speakers of distant epochs, can be obtained from various sources. This makes it possible to reconstruct certain norms of speech behavior in action and trace the principles and rules of social communication, their changes over the centuries and determine strategies for speech regulation and maneuvering, because politeness initially performed the function of coding social belonging and hierarchy. The article focuses on the period of the court knightly culture of the Middle Ages, as well as the culture of speech in the aristocratic society of the Baroque era and the “gallant period” of the 18th century, carried out through language regulation and maneuvering. The system of markers of polite speech behavior (various pronouns, performative verbs, modal verbs, constructions of indirect polite distancing, etc.) is already formed in the Middle German language, but in the future it is subject to revision depending on the socio-cultural guidelines of society (the influence of French culture and language) and expands by increasing primarily artificial politeness in the form of mannered and ceremonial expressions, devoid of sincerity and truthfulness. The article shows that the communicative norms of polite speech behavior are determined by sociolinguistic and cognitive factors and reflect the state of speech culture and the development of the German language at a particular stage of society development.

Keywords: culture of speech, communicative practice, regulation, formulaicity, politeness, etiquette.

*Guot rede ist uf der erde / im aller
høhsten werde* (Fridank). — «Хорошая
речь в высочайшем почете на земле».

1. Введение

Вежливость можно условно интерпретировать как социальные приемлемые нормы поведения [Schwarz-Friesel 2007: 25–26], которые представляют собой выработанный в обществе и регулируемый им канон хорошего тона, в который входит и речевое

поведение коммуникантов. Вербализацию вежливости осуществляет этикет, которого нужно придерживаться, чтобы считаться хорошо воспитанным, добрым, учтивым, корректным, «своим» в определенном обществе или его части [Paul, Haferland 1996; Формановская 2007: 126–127]. Вежливость предполагает фактическую или желаемую групповую принадлежность участников коммуникации, поэтому ее можно рассматривать как средство установления индивидуальной и коллективной идентичности [Althoff 1994]. Демонстрация вежливости не только отражает культурные и социальные ценности (иерархию, социальные роли, личные отношения и др.), но и служит установлению и поддержанию отношений между участниками коммуникативного взаимодействия. Отсюда следует, что вежливость подвержена социокультурным измерениям и изменениям, т. е. является социально «чрезвычайно динамичной конструкцией» [Ehrhardt, Neuland 2009: 11], которая носит диахронический или социальный характер в полном соответствии с культурно-историческим развитием общества и в этом смысле является результатом «цивилизационных процессов». Другими словами, формы и стратегии вежливости являются индикаторами социальных и культурных ценностей общества на разных этапах его развития.

Коммуникативный феномен «вежливость» в немецком языке обозначается лексемой *Höflichkeit*, восходящей к *Hof* (ср. также *hofieren*, *höflich*; *mhd. hoflich*, *hovelich* = *hofgemäÙ*, *fein*, *gesittet u. gebildet*) [Lexner 1992] и, собственно, указывает на место, где практиковалось «вежливое поведение» (*höfliches Verhalten*), т. е. на рыцарский средневековый двор XII–XIV вв. [Ehrismann 1995]. Вежливое поведение определялось прежде всего рыцарскими добродетелями, такими как честь, мужество, благородство, воспитанность, умеренность. Поведенческий кодекс рыцарского сословия отличался ритуальностью и особым речевым этикетом, которым пользовались не только для развлечения в рамках светской беседы, но и для назидания в адрес собеседника и многие формулы которого сохранились в современном немецком языке [Баева, Третьякова 2012; Бирр-Цуркан 2012; Lechtermann 2003].

Дворянское, «высокое» происхождение лексемы *Höflichkeit* наложило отпечаток и на дальнейшую судьбу этого понятия. Вплоть до конца XIX в. в сословном обществе вежливость выполняла функцию кодирования социальной принадлежности и иерархии:

«[D]istance politeness has been characteristic of the middle and upper classes in most of Europe for a very long time» [Lakoff 1993: 77].

Условно историю вежливости можно связать с несколькими периодами в развитии немецкого общества и языка: период придворной культуры Средневековья, аристократическое общество эпохи барокко и «аламоде», буржуазный период XVIII и XIX вв. и, наконец, период демократизации общества в конце XIX и в XX в. [Linke 1996: 72–74]. Остановимся подробнее на особенностях формирования культуры речи и вежливости двух первых периодов.

2. Вежливость в Средние века

В Германии в XII в. в ходе становления придворного общества развивается сложная система поведения, в которой христианские добродетели и социальные манеры объединились в единое целое [Bumke 2002]. Нормы этой зарождающейся «регламентированной вежливости» (*geregelte Höflichkeit*) [Wenzel 1991: 21] служили для самовыражения высших слоев общества и их манифестации во внешнем мире. Фигуре придворного дворянина и рыцаря противопоставлялся необразованный, грубый крестьянин, «мужлан», «деревщина», который вошел в придворную литературу того времени как *villain* или *dörper* [Ehrismann 1995; Lexer 1992].

Н. Мидема, исследовавшая учтивые и неучтивые речи в литературе немецкого Средневековья, указывает на следующие лингвистические маркеры вежливости:

Höflichkeit äußert sich [...] in der Verwendung bestimmter performativer Verben (z.B. ‚fragen‘, ‚bitten‘), Modalverben (etwa ‚dürfen‘) und Partikeln bzw. *hedges* (z.B. ‚nur‘, ‚ja‘, ‚doch‘), in der Wahl der Satzarten (insbesondere in der bevorzugten Verwendung von Frage- statt Aussagesätzen, sowie von Konditionalgefügen) und im Gebrauch des Modus (d.h. des Konjunktivs). Wichtiger noch ist jedoch die Tendenz zur Abschwächung der Illokutionsindikatoren, insbesondere im Bereich der Direktiva: Statt eines Befehls, einer Aufforderung, wird eine Bitte verwendet, die möglichst in Form einer Frage formuliert wird. So entstehen Formen kommunikativer Indirektheit, bei denen die eigentlichen Illokutionen nicht allzu offensichtlich zur Schau getragen werden [Miedema 2007: 191]. — «Вежливость выражается в использовании перформативных глаголов (например, fragen, bitten), модальных глаголов (типа dürfen) и частиц или

hedges (например, *nur*, *ja*, *doch*), в выборе типов предложений (особенно предпочтительны вопросительные предложения вместо повествовательных, а также условные придаточные) и в использовании модуса (т. е. конъюнктива). Важнее, однако, тенденция к ослаблению иллокутивных индикаторов, особенно в директивах: вместо приказа, требования используется просьба, которая по возможности формулируется в виде вопроса. Так возникают формы коммуникативного дистанцирования, при которых собственные иллокуции становятся не так очевидны» (здесь и далее перевод мой. — Г. Б.).

В этой цитате зафиксированы практически все средства выражения вежливости, которые сохраняются и в современном немецком языке. Сюда следует еще добавить местоименные обращения как способы обозначения социальной дистанции при асимметричном общении: равенство допускает симметричное *ihr* или *du*, по крайней мере, для высших слоев общества, для низших применимо только *du* (ср.: [Besch, Wolf 2009: 117; Besch 1998; Simon 2003]).

Особенности речевого поведения героев рыцарских романов достаточно хорошо исследованы [Wenzel 1988; Redeszenen... 2011; Miedema 2012].

Помимо рыцарской литературы понятие вежливости и трактовка вежливого речевого поведения и культуры речи в целом широко обсуждались и в дидактической литературе, выполнявшей воспитательно-назидательные и отчасти регламентирующие функции. Кроме знаний о нравах и обычаях, эта литература дает богатый материал о том, какие правила хорошего тона необходимо соблюдать в той или иной ситуации речевого общения. Важность осознания этих правил, значимость взвешенной во всех отношениях речи отмечает, например, странствующий певец и автор произведения «*Bescheidenheit*» Фрейданк (Freidank), творивший в первой трети XIII в., строки из произведения которого взяты в качестве эпиграфа к статье.

Название поэмы «*Bescheidenheit*» обычно переводят на русский язык с позиций современного значения этого слова как «Скромность», хотя лексема *Bescheidenheit* имела в ту пору несколько значений и с учетом концепции произведения и его предназначения точнее было бы перевести название как «Житейская мудрость» [Lexher 1992: 16]. В поэме Фрейданка, «как в мировом зеркале» (В. Гримм), отражаются различные сословия, от пап и императоров до слуг,

описываются общественные и семейные отношения, добродетели и пороки. Поэма состоит из множества мудрых изречений, мало соединенных друг с другом логически, проникнута благочестием, любовью к людям, верой в торжество свободы и правды и сохраняет свою актуальность, ибо максимы, проповедуемые ее автором, не устаревают до сих пор. Интересны, например, такие его изречения: про язык он говорит, что *«он без костей, а между тем ломает и кости, и каменья»*. Злободневно и по-современному звучат его слова:

Bi rede erkenne ich tõren, / den esel bi den õren [Fridankes 1962: 82, 10]. — «По речи я узнаю дурака, точно так же как осла по ушам».

Очень близок к Фрейданку в своих рассуждениях и другой его современник — Томасин фон Церклере, автор поэмы «Welscher Gast», название которой можно перевести и как «Заморский гость», и как «Гость-невежа». По своей сути это сборник правил хорошего тона, написанный «от противного» в традициях гробианской литературы, т. е. повествующий о том, как не надо себя вести и почему. Сосредотачиваясь в основном на правилах поведения за столом, автор тем не менее в разных частях поэмы уделяет достаточно много внимания «речевому поведению» [Wenzel 1991]. Он указывает на то, что тот, кто плохо говорит о других, вызывает ссору, а добродетельный человек никогда не будет говорить плохо:

Swer übele zu dem andern reit, / des wirt im zwirnt als vil geseit [Zerclaere 1984: 124].

Swer hâ tugenthaften muot, der sol nicht sprechen niwan guot. / daz guot man gütlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rehte denne [Zerclaere 1984: 561–566].

Построенные от противного, правила хорошего тона или правила успешности речевого общения требуют в «Заморском госте» учитывать все составляющие речевой ситуации: с кем, о чем, с какой целью, когда и при каких обстоятельствах ведется разговор (зadолго до появления теории речевых актов и прагмалингвистики!), ибо их незнание или пренебрежение ими ведут к дурному. Центральным и важным в рассуждениях автора становится подчеркивание соразмерного времени и месту речевого поведения:

Ich hân gehôrt unde gelesen, / man sol ungerne müezec wesen. / ein ieglich biderbe man sol / zallen zîten sprechen wol / ode tuon ode gedenken: / von dem wege sol er niht wenken <...> Swenn man niht ze tuon hât, / man habe den sin und ouch den rât / daz man eintweder spreche wol / od gedenke daz man sol [Zerclaere 1984: 141–152].

В другом месте читаем:

Ich will iu sagen, swelich man / mit sinne niht erahten kan / von wem, ze wem, way, wie und wenne / er rede, ez schadet im entwenne./ Man sol sehen von wem man seit: / der vrum ist von dem bæsn gescheit./ dehein man sol dem klaffære / sagen tougenlichiu mære. / swer hât tugenthafte muot, / der sol niht sprechen niwan guot. / daz guot man gütlichen sol / sprechen, swer wil sprechen wol. / swelich man kann merken wenne / er spreche, der spricht nâch rechte denne [Zerclaere 1984: 553–566].

И далее почти как приговор звучат слова о том, что тот, кто не примет эти советы, — плохой человек:

...swer si (die rede) niht enkan / rihten, ist ein unsælec man [Zerclaere 1984: 987].

Стержневым во всех приведенных примерах становится сочетание прилагательного *bæse* с наименованиями речевых действий, чаще всего *bæse rede*, т. е. неучтивая, непродуманная, «злая» речь, которая может привести не только к непониманию, но и к другим дурным последствиям: гневу, злодеяниям, ненависти, презрению, враждебности и т. п.:

nâch bæser rede kumt missetât ... (VII, 210); bæser schimph macht haz, zorn, nôt, / zorn vîntschaft, vîntschaft tôt [Zerclaere 1984: 667–668].

В другом произведении, в поэме Гуго фон Тримберга «Скакун» («Der Renner»), законченной примерно в 1300 г., также достаточно много прямых и косвенных упоминаний о речевой деятельности человека. Цель поэмы — «научить должной мере во всех людских делах», упомянуть всё и вся, «обежать все края света, подобно дикому коню», «Скакуну», который «постоянно заносит всадника то туда, то сюда, перескакивая из пятого в десятое». Одну из задач своего творения автор видит в поучении писать «сладкими словами» *süeziu*

wort (VI, 565), противопоставляя их «плохим словам» *vil bæser worte*, которыми часто сопровождается речевое поведение подвыпившего человека. Уже в самом начале, говоря о том, как жить правильно, и перечисляя смертные грехи, автор дает своеобразную номенклатуру речевых актов. Ср.:

Ketzerie, rüemen, trätzen, / Spotten, schrien, roufen, kratzen, / Schallen, brehten, reien, springen, / Stürmen, vehten, loufen, ringen, / Rouben, brennen, morden, stechen, / Dröuwen, smêhen, übel sprechen, / Stözen, twingen, vâhen, slahen, / Rennen, sprengen, würgen, hâhen, / Vürnêmischiu hertikeit, / Stolzieren und bæsiu glîchsenheit, / Loter wise und loter kleit. / An trinken, an spîse unnêzikeit, / Zoubern, goukeln, liegen, triegen, / Fluochen, schelten, sweren, kriegem: / Diz ist der hôchferle ingesinde, / Bi dem ich selten iht guotes vinde [Trimberg 1970: 285–300].

Целый ряд указанных в этом отрывке глаголов относится к *verba dicendi*, например: *rüemen, trätzen, spotten, schallen, dröuwen, smêhen, übel sprechen, liegen, triegen, fluochen, schelten, sweren* и т. п.

Пространные наставления и поучения о том, как надо говорить, автор дает в главе «О языке» (*Von der zungen*), в которой он пытается противопоставить положительные и отрицательные последствия произнесенной речи. В главе «О лжи» (*Von liegen*) Тримберг сосредотачивает свое внимание исключительно на отрицательных характеристиках речи: *врать, предавать, ругать, угрожать, кричать, гневаться, бушевать* и др.:

Liegen, triegen, schelten, brehten, / Drôen, sweren, gein got vehten, / Trätzen, schrien, übel sprechen, / Morden, stürmen, triuwe brechen / Sint des zornes drabe knehte, / Die alle rûschent mit gebrehte, / Den man iren rûm muoz lâzen, / Swenne si varnt die frien strâzen. / Bescheidenheit muoz in entwîchen, / Des nîdes gesinde siht man slichen / Bi der strâzen ûf den stîgen: / Snudern, smocken unde swîgen, / Innen ruoz und ûzen krîden, / Nâchkösen, als ein scharsach snîden, / Metten, liegen, nase rimpfen, / Spotten, gucken, valschez schimpfen, / Itewîzen, fluochen, smêhen, Valschez rûnen, dieplich spehen, / Ougen spitzen, zene wetzen, Valsche rête, mörtlich hetzen, / Nîthart, Siurinc, Slangenzagel, / Billunc, Nîdunc, Tugenden hagel / Sint des nîdes spiezslifêre, / Aller untugende nâchgrîfêre [Trimberg 1970: 14149–14172].

Обобщая описанное выше, можно констатировать, что первоначальная куртуазная придворная культура речи и вежливость в духе рыцарского кодекса соотносятся с хорошими манерами, эле-

гантностью в поведении и утонченностью в словесном выражении. Здесь становится очевидным прогрессирующее семантическое сближение понятий «вежливый» и «культурный». Начиная с конца XIV в. зарекомендовавшие себя рыцарские правила поведения перенимаются дворянским сословием и зажиточными бюргерами.

3. Культура речи в XVI в.

История вежливости в немецком языке тесно связана с распределением сфер влияния немецкого языка в обществе: в Германии довольно долго в общественных, религиозных и образовательных сферах господствовала латынь, и распространение немецкого языка в эти сферы было процессом медленным.

В XIV–XVI вв. происходит постепенный переход делопроизводства на немецкий язык, и культура речи и развитие вежливых языковых форм ставятся во главу угла в учебниках по обучению грамоте и разнообразных формулярах и письмовниках, предназначенных для соответствующих канцелярских служб, для корректного письма в деловой и личной корреспонденции. Искусство «писать по-немецки чисто» (*rein zu schreiben*) состоит не только в уместном использовании устойчивых рутинных формул в качестве приветствий и обращений и в стилистической грамотности письменной речи, но также обязательными становятся вежливость и изящность изложения.

Так, Фабиан Франк (Fabian Frangk) в «Ein Cantzley und Titel büchlin» (1531) дает практически первый в немецком языке перечень обращений и подчеркивает важность правильного и *соразмерного* (*angemessenen*) использования титулов, в зависимости от социального статуса, общественного положения, возраста, пола и степени родства адресата:

Folgen die Titel des | Undern grads an den Adel. | Einem Ritter vom Aldem | Adel / schreibt man also. | Dem Edlen und Gestrengen Herrn Ul | derichen choff / Gotsche gnant / Ritter / auffm Rinaft und Greiffen stein / Meinem günstigen herrn [Frangk 1979: f. Eiiijv].

Своим справочником Франк закладывает традиции будущих письмовников и формуляров на все случаи жизни (тип текста *Ratgeber*), но почти не дает метаязыковой характеристики перечис-

ленным формульным сочетаниям, его больше всего волнует создание писем, соответствующих стилю и риторике, ибо правильное использование шаблонных фраз с точки зрения их институционализации и соответствия социальному статусу адресатов является для него необходимым признаком стилистической компетентности в письменной речи. В правильном использовании обращений и титулов как раз и заключается искусство «писать чисто» (*rein zu schreiben*). В двух местах своей работы Франк указывает на то, что письма всех видов должны быть написаны без «украшательных слов» (*geschmückten verblümbten worten*) по образцу Лютера, но, соответственно, по образцу лучших канцелярий.

В этой связи интересны стилистические рассуждения Мейхсснера в книге-справочнике 1538 г. «*HandtBüchlin grundlichs bericht*» о том, что в немецком мало используются синонимы (*die im teutschen schreiben wenig gebrucht/ [...] umb kür'e willen vnderlassen*). Писать и говорить вежливо и изящно, по Мейхсснеру, — значит подражать мудрости более старых ученых мужей и избегать простодушия невежд [Meichßner 1976: f.Jr]. Этому способствует, например, использование сравнений и идиом, основанных на мудрости и опыте, типа *Listig Als ein Fuchs, Krftig Als ein Wolff, Hochfartig Als ein Pfwow, kalt wie ys* и т. п.

Развитие вежливости как изящества, деликатности и утонченности письменного выражения (*Höflichkeit und Zierlichkeit*) находит свое обоснование и наглядность в работах, посвященных синонимам. Так, Л. Шварценбах в пособии «*Synonyma*» (1554) занимается вопросами правильности употребления синонимов и указывает на семантико-прагматические различия между ними. Приведем в качестве примера глагол *abbrechen* и его синонимы:

Abbrechen | Abblaten. | Abklauben. | Ablefen. | Abnehmen. | Abreiben. | Abawicken. | Wir sagen Blumen/ Opffel / Birn / Kerfchen / vnd dergleichen Obft ab||brechen oder abnehmen/ Aber nit Hopffen abbrechen / Jondern abblaten / | abklauben oder abawicken/ Also auch Wein oder Trauben lesen/ vnd nicht abbrechen noch abblaten. Derhalben_ind dergleichen vnterschied auch in andern Synonymis waraunehmen / vnd nicht alle vermifcht gleich aufgebrauchen [Schwarzenbach 1986: f. Aiiij].

Многочисленные «шаблонные» синонимичные выражения в справочниках для служащих канцелярий следует рассматривать

как отражение распространенного в XVI в. и восходящего к античной риторике мнения, что красноречия можно достичь с помощью *variatio*, к которому относится и широкое использование в речи синонимов.

4. Культура речи в XVII в.

Культура речи в XVII в., помимо поисков изящных и галантных способов выражения, включает в себя развитие осознания познавательной и мирораскрывающей функции языка [Gardt 1994: 229–230]. Борьба за чистоту языка становится ведущим лозунгом в деятельности языковых обществ Германии. Основные дискуссии сводились к правильности, чистоте, выразительности и галантности речи. Парадокс заключался в том, что во время Тридцатилетней войны, когда простое население Германии страдало от насилия и разорения, представители языковых обществ с горечью отмечали разрушение благопристойности и хороших манер и обсуждали пособия по культуре речи. Так, представитель Пегнезского цветочного ордена Г. Ф. Гарсдёрфер (1607–1658) в своем внушительном по объему произведении «Frauenzimmer Gesprächspiele» («Женские разговорные игры») предлагает темы для бесед по различным отраслям знания, которые служили бы всестороннему развитию человека и реализовывали идеалы общества, т. е. правильность языкового выражения связывалась с эстетикой [Stoll 1973; Пиирайнен 1996]. Цель автора — обучение возвышенной риторике в дидактически подходящей форме разговора — бесед [Götttert 1991]. Предлагается не только писать письма, но и разыгрывать устные диалоги на основе фигур речи, образцы которых автор дает в форме коротких театральных представлений. Возможность составления целых диалогов из шаблонных фраз Гарсдёрфер рассматривает как средство демонстрации богатства немецкого языка и постановки его в один ряд с французским, итальянским и испанским [Moulin 2016]. В IV части «Женских разговорных игр» для тренировки изящного общения предлагаются разнообразные языковые игры. Некий молодой человек по имени Раймунд сообщает своим собеседникам слово, которое пришло ему на ум и породило некую образную интерпретацию. Дело не только в слове и в изяществе изложения, но и, как мы читаем дальше, в обобщениях, которые делает каждый участник. Так, в дискуссии на тему счастья игроки приходят

к выводу, что счастье можно построить, если быть честным, знать себя и критически относиться к своим действиям. Подводя итог, Раймунд пытается изобразить сказанное в виде иллюстрации-рисунка [Harsdörffer 1968: 256–257, 447].

Развивая своими языковыми играми когнитивные способности говорящих и пишущих, Гарсдёрфер вступает и в дискуссию о вежливости и невежливости, косвенно поощряя невежливость, ибо из вежливости, по его мнению, проистекает много грехов, например Адам из вежливости дал Еве запретный плод, вежливость заставляет людей есть, пить и спать тогда, когда это предписано, и «нравиться другому»:

D[egenwert]. Die Höflichkeit ist die gründliche Ursach alles Unheils. Adam hat die verbottene Frucht von der lieben Hand seiner Eva nicht wollen ausschlagen/ und hat also aus Höflichkeit alle seine Nachkommen in endliches Verderben gesetzt [Harsdörffer 1968: 447].

J[ulia] Die Höflichkeit ist ein Fesselband der Knechtschaft/ indem man essen/ trinken und schlaffen muß/ nicht wann man will/ sondern wann es andern gefället [Harsdörffer 1968: 447].

Именно вежливость, по мнению автора, не дает, например, какому-нибудь графу услышать правдивое суждение о положении дел, что ведет в конечном итоге к тому, что люди и страна плохо управляются. В результате таких рассуждений делается вывод о том, что «вежливость — враг правды и друг неправды» [Harsdörffer 1968: 454]. Еще одним своеобразным выводом из дискуссии о вежливости можно считать ответ Гарсдёрфера на заданный им же самим вопрос: «Почему ученые так редко вежливы?» Он считает, что ученые в период своей учебы, а затем и научной деятельности очень одиноки, слишком мало познают окружающий мир, поэтому и не приобретают манеры, во многом искусственно навязанные и устоявшиеся в обществе.

В последние два десятилетия XVII в. и первого десятилетия XVIII в. в Германии распространяется влияние галантной формы стихосложения, пришедшее из Франции и Италии. «Галантность» в переводе с французского языка означает изысканную вежливость, чрезвычайную обходительность и начинает использоваться в Германии в смысле «современный», «элегантный», «вежливый». Признаки галантного стиля — это утрированная манерность, це-

ремонность, слащавость, напыщенность, склонность к изошренности и преувеличению, а порой и двусмысленности. В истории немецкого языка говорится о «галантном периоде». В моду входит подражание всему французскому, включая язык; влияние французского языка проникает как в общественные сферы, так и в «салонный» немецкий язык Германии XVII–XVIII вв. [Eggers 1977: 77–147]. В обществе в этот период вежливость служит в первую очередь для кодирования иерархии, для развлечения собеседника и в назидание ему в контексте светской беседы [Linke 1996]. Этой тенденции противостоит поиск «подлинной», «сердечной вежливости» и гармонизации общения, которыми характеризуются следующие этапы общественного развития.

5. Заключение

Подводя итог, следует сказать, что категория вежливости и ее вербализация развиваются в немецком языке под сильным иноязычным влиянием, прежде всего французского и латинского языков. С самого начала и на протяжении долгого времени вежливость выполняла функцию кодирования социальной принадлежности. Несмотря на то что уже в средневерхненемецком языке складывается основная система маркеров вежливого речевого поведения, она подвергается ревизии и расширяется за счет увеличения прежде всего манерных и церемониальных выражений, лишенных искренности и правдивости. Это приводит в конечном итоге к вопросу, который стоит в заглавии речи известного немецкого лингвиста Харальда Вайнриха, произнесенной им в связи с получением премии Конрада Дудена в 1986 г.: «Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?» (Лгут ли в немецком, когда вежливы?) [Weinrich 1986] — и являющейся аллюзией к сцене во второй части «Фауста» И. В. Гете, в которой на высказывание Мефистофеля о грубости Бакалавр отвечает: «Im Deutschen lügt man, wenn man höflich ist» (возможный перевод: «В немецком лгут, когда хотят (пытаются) быть вежливыми»).

Источники иллюстративного материала

Frangk F. Ein Gantzley und Titelbuechlin 1531 // Neudruck: Müller J. Quellschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte

des 16. Jahrhunderts. Gotha, 1882. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim, New York: Olms, 1969].

Fridankes. Bescheidenheit / Hrsg. von H. E. Betzenberger. Aalen: Zeller, 1962.

Harsdörffer G. Ph. Frauenzimmer Gesprächspiele. T. I–VIII. Nachdruck der Ausgabe Nürnberg 1643–1649 / Hrsg. von I. Böttcher. Tübingen: Niemeyer, 1968.

Meichßner J. E. Handtbuechlin grundtlichs berichts recht und wolschrybens der orthographie und grammatic. Hildesheim: Georg Olms Verlag, 1976.

Schwartzenbach L. Synonyma / Haß U. Leonhard Schwartzenbachs „Synonyma“. Beschreibung und Nachdruck der Ausgabe Frankfurt 1564. Lexikographie und Textsortenzusammenhänge im Frühneuhochdeutschen. Tübingen: Niemeyer, 1986.

Trimberg H. von. Der Renner / Hrsg. von G. Ehrismann. Bd. I–4. Berlin: de Gruyter, 1970.

Zerclaere Th. von. Der Welsche Gast / Hrsg. von F. W. von Kries. Bd. 1: Einleitung, Überlieferung, Text, Varianten des Prosavorwortes. Göttingen: Kümmerle-Verlag, 1984.

Литература

Баева Г. А., Третьякова Т. П. Развитие средств речевого этикета и ритуала // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 55–67.

Бирр-Цуркан Л. Ф. Развитие речевого этикета в средневерхненемецком языке // Очерки по исторической прагматике германских языков / под ред. Г. А. Баевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2012. С. 68–103.

Пишарайнен И. Т. Вежливость как категория языка // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 100–105.

Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.

Althoff G. Ritual und Demonstration in mittelalterlichem Verhalten // H. Brall, B. Haupt, U. Kusters (Hgg.) Personenbeziehungen in der mittelalterlichen Literatur. Düsseldorf: Droste Verlag, 1994. S. 457–476. (Studia humaniora, 25).

Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.

Besch W., Wolf N. R. Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeitstufen — Linguistische Studien. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2009. 347 S. (Grundlagen der Germanistik, 47).

Bumke J. Hofische Kultur: Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter. 10. Aufl. München: dtv, 2002. 864 S.

Eggers H. Deutsche Sprachgeschichte. In 4 Bd. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche. Hamburg: Reinbek, 1977. 183 S.

Ehrhardt C., Neuland E. Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht: Zur Einführung / Ehrhardt C., Neuland E. (Hrsg.) Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht. Frankfurt a. M.: Peter Lang, 2009. S.7–24.

Chrismann O. Ehre und Mut, Abenteuer und Minne. Höfische Wortgeschichten aus dem Mittelalter / Unter Mitarbeit von A. Classen, W. McConnell, E. Dick, K. Düwel, W. Fritsch-Rößler, M. Gemeling, G. Gillespie, H. Heinen, W. Hofmeister u. A. Holzhauer. München: C. H. Beck, 1995. 275 S.

Gardt A. Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz. Berlin; New York: de Gruyter, 1994. 520 S.

Götttert K.-H. Deutsche Umgangsliteratur des 18. Jahrhunderts // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern / Hrsg. von A. Montandon. Bern Peter Lang, 1991. S.101–115.

Lakoff R. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives // Journal of Pragmatics. 1993. Nr. 20. S.77–81.

Lechtermann Ch. Von wem, ze wem, waz, wie und wenne. Redeordnungen // Ordnung und Unordnung in der Literatur des Mittelalters / Hrsg. von W. Harms, C. St. Jaeger, H. Wenzel. Stuttgart: S. Hirzel, 2003. S. 81–95.

Lexner M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 38. Aufl. Stuttgart: S. Hirzel, 1992. 504 S.

Linke A. Höflichkeit und soziale Selbstdarstellung. Höflichkeitskonzepte in Anstandsbüchern des 18. und 19. Jahrhunderts // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST) / Hrsg. von H. Haferland, I. Paul. Höflichkeit. Oldenburg: Redaktion OBST, 1996. S.70–104.

Miedema N. Höfisches und unhöfisches Sprechen im *Erec* Hartmanns von Aue // Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik / Hrsg. von N. Miedema, F. Hundsnurscher. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 181–201.

Miedema N. Gesprächsnormen. Höfische Kommunikation in didaktischen und erzählenden Texten des Hochmittelalters // Text und Normalität im deutschen Mittelalter / Hrsg. von E. Brüggem, Fr. J. Holznagel, S. Coxon, A. Suerbaum. Berlin, Boston: de Gruyter, 2012. S.251–278.

Moulin C. „Nach dem die Gäste sind, nach dem ist das Gespräch“. Spracharbeit und barocke Tischkultur bei Georg Philipp Harsdörffer // Perspektivwechsel oder: Die Wiederentdeckung der Philologie. Bd. 2: Grenzgänge und Grenzüberschreitungen. Zusammenspiele von Sprache und Literatur in Mittelalter und Früher Neuzeit / Hrsg. von N. Bartsch/, S. Schultz-Balluff. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2016. S.261–287.

Paul I., Haferland H. Eine Theorie der Höflichkeit // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST). 1996. Nr. 52. S.7–67.

Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik / Hrsg. von M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin: Akademie Verlag, 2011. 317 S.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen: A. Francke, 2007. 459 S.

Simon H. J. Für eine grammatische Kategorie "Respekt" im Deutschen. Syn-
chronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina. Max Nie-
meyer Verlag, 2003. 246 S.

Stoll Ch. Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts München:
A. Francke, 1973. 178 S.

Weinrich H. Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist? Mannheim; Wien;
Zürich: Bibliographisches Institut, 1986. 34 S.

Wenzel H. Die Zunge der Brangänge oder die Sprache des Hofes // Samm-
lung — Deutung — Wertung. Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologi-
scher Arbeit / Hrsg. von D. Buschinger. Amiens: Université de Picardie-Jules Ver-
ne, 1988. S. 357–367.

Wenzel H. zuht und ère. Höfische Erziehung im 'Welschen Gast' des Thomasius
von Zerclaere (1215) // Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommuni-
kationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachi-
gen Ländern / Hrsg. von A. Montandon. Bern: Peter Lang, 1991. S. 21–42.

References

Althoff G. Ritual und Demonstration in mittelalterlichem Verhalten. *Personen-
beziehungen in der mittelalterlichen Literatur*, hrsg. H. Brall, B. Haupt, U. Küsters.
Düsseldorf, Droste Verlag, 1994, S. 457–476.

Baeva G. A., Tretyakova T. P. Development of means of speech etiquette and ri-
tual. *Essays on the historical pragmatics of the Germanic languages*, ed. by G. A. Bae-
va. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 55–67. (In Russian)

Besch W. *Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und ge-
stern*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1998. 160 S.

Besch W., Wolf N. R. *Geschichte der deutschen Sprache. Längsschnitte — Zeit-
stufen — Linguistische Studien*. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2009, 347 S.

Birr-Tsurkan L. F. Development of speech etiquette in Middle High German.
Essays on the historical pragmatics of the Germanic languages, ed. by G. A. Baeva.
St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 68–103. (In Russian)

Bumke J. *Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter*. 10.
Auf. München, dtv, 2002, 864 S.

Eggers H. *Deutsche Sprachgeschichte*. In 4 Bd. Bd. 4: Das Neuhochdeutsche.
Hamburg, Reinbek, 1977, 183 S.

Ehrhardt C., Neuland E. Sprachliche Höflichkeit in interkultureller Kommu-
nikation und im DaF-Unterricht: Zur Einführung. *Sprachliche Höflichkeit in inter-
kultureller Kommunikation und im DaF-Unterricht*, hrsg. C. Ehrhardt, E. Neuland.
Frankfurt a.M., Peter Lang, 2009, S. 7–24.

Ehrismann O. *Ehre und Mut, Äventiure und Minne. Höfische Wortgeschichten aus dem Mittelalter*. Unter Mitarb. von A. Classen, W. McConnell, E. Dick, K. Düwel, W. Fritsch-Rößler, M. Gemeling, G. Gillespie, H. Heinen, W. Hofmeister u. A. Holzhauer. München, C. H. Beck, 1995, 275 S.

Formanovskaya N. I. *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow, IKAR Publ., 2007, 478 p. (In Russian)

Gardt A. *Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz*. Berlin, New York, de Gruyter, 1994, 520 S.

Göttert K.-H. *Deutsche Umgangsliteratur des 18. Jahrhunderts. Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern*, hrsg. A. Montandon. Bern, Peter Lang, 1991, S. 101–115.

Lakoff R. Talking Power. The Politics of Language in Our Lives. *Journal of Pragmatics*, 1993, no. 20, pp. 77–81.

Lechtermann Ch. Von wem, ze wem, waz, wie und wenne. Redeordnungen. *Ordnung und Unordnung in der Literatur des Mittelalters*, hrsg. W. Harms, C. St. Jaeger, H. Wenzel. Stuttgart, Hirzel, 2003, S. 81–95.

Lexer M. *Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. 38. Aufl. Stuttgart, S. Hitzel, 1992, 504 S.

Linke A. Höflichkeit und soziale Selbstdarstellung. Höflichkeitskonzepte in Anstandsbüchern des 18. und 19. Jahrhunderts. *Höflichkeit. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST)*, hrsg. H. Haferland, I. Paul. Oldenburg, Redaktion OBST, 1996, S. 70–104.

Miedema N. Höfisches und unhöfisches Sprechen im *Erec Hartmanns* von Aue. *Formen und Funktionen von Redeszenen in der mittelhochdeutschen Großepik. Tübingen*, hrsg. N. Miedema, F. Hundsnurscher. Max Niemeyer Verlag, 2007. S. 181–201.

Miedema N. Gesprächsnormen. Höfische Kommunikation in didaktischen und erzählenden Texten des Hochmittelalters. *Text und Normalität im deutschen Mittelalter*, hrsg. E. Brüggem, Fr. J. Holznagel, S. Coxon und A. Suerbaum. Berlin, Boston, de Gruyter, 2012, S. 251–278.

Moulin C. „Nach dem die Gäste sind, nach dem ist das Gespräch“. Spracharbeit und barocke Tischkultur bei Georg Philipp Harsdörffer. *Perspektivwechsel oder: Die Wiederentdeckung der Philologie*, hrsg. N. Bartsch, S. Schultz-Balluff. Bd. 2: Grenzgänge und Grenzüberschreitungen. Zusammenspiele von Sprache und Literatur in Mittelalter und Früher Neuzeit. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2016, S. 261–287.

Paul I., Haferland H. Eine Theorie der Höflichkeit. *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie (OBST)*. 1996. Nr. 52. S. 7–67.

Piirainen I. T. Politeness as a category of language. *Voprosy iazykoznanii*, 1996, no. 6. 1996, pp. 100–105. (In Russian)

Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik, hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundsnurscher. Berlin, Akademie Verlag, 2011, 317 S.

Schwarz-Friesel M. *Sprache und Emotion*. Tübingen, A. Francke, 2007, 459 S.

Simon H. J. *Für eine grammatische Kategorie 'Respekt' im Deutschen. Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina*. Max Niemeyer Verlag, 2003, 246 S.

Stoll Ch. *Sprachgesellschaften im Deutschland des 17. Jahrhunderts*. München, A. Francke, 1973, 178 S.

Weinrich H. *Lügt man im Deutschen, wenn man höflich ist?* Mannheim, Wien, Zürich, Bibliographisches Institut, 1986. 34 S.

Wenzel H. Die Zunge der Brangänge oder die Sprache des Hofes. *Sammlung — Deutung — Wertung. Probleme, Tendenzen und Perspektiven philologischer Arbeit*, hrsg. D. Buschinger. Amiens, Université de Picardie-Jules Verne, 1988, S. 357–367.

Wenzel H. Zuht und ère. Höfische Erziehung im 'Welschen Gast' des Thomasius von Zerclaere (1215). *Über die deutsche Höflichkeit. Entwicklung der Kommunikationsvorstellungen in den Schriften über Umgangsformen in den deutschsprachigen Ländern*, hrsg. A. Montandon. Bern, Peter Lang, 1991, S. 21–42.

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Galina A. Baeva

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: g.baeva@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 21 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.